Генерал Кинжал

Феликс Иванович Чуев

SHOUT
SHARE
IT

- Чуев Феликс Иванович
  - ◯

Чуев Феликс Иванович
Генерал Кинжал

Феликс ЧУЕВ

Генерал Кинжал

Был в советский истории Полководец с большой буквы, которого можно было и нужно показать куда ярче и благороднее, чем это сделано на Поклонной горе. Я много слышал о нем от разных высоких военных, в том числе от маршала Александра Евгеньевича Голованова. "Полководцем номер один я все-таки считаю Рокоссовского, - не раз говорил мне Голованов. Ему принадлежит Белорусская операция, которую я считаю образцом, жемчужиной военного искусства. Она сильнее Сталинграда. А ведь с идеей Рокоссовского ни Жуков, ни Василевский не соглашались, один Сталин поддержал"...

...В 1944 году пришло время знаменитой Белорусской операции. В Ставке обсуждались разные варианты проведения этой операции. Основной вопрос - где наносить главный удар?

Предложение командующего Первым Белорусским фронтом генерала армии Рокоссовского было необычным: нанести одновременно два главных удара. До сих пор при прорыве подготовленной обороны противника наносился, как правило, один главный удар, остальные удары бывали вспомогательными, чтобы противник не мог определить, на каком направлении должен развиваться успех. Г. К. Жуков и Генеральный штаб были категорически против двух главных ударов и настаивали на одном - с плацдарма на Днепре в районе Рогачева. Верховный тоже придерживался такого же мнения. По логике, вариант Рокоссовского половинил силы и средства, что казалось просто недопустимым при проведении такой крупномасштабной операции. "Если бы это предлагал не

Рокоссовский, этот вариант при наличии таких оппонентов, как Сталин и Жуков, просто пропустили бы мимо ушей, - говорит Голованов, - в лучшем случае как необдуманное, в худшем - как безграмотное предложение".

Верховный просил Рокоссовского пойти в другую комнату и еще раз подумать, прав ли он. Когда Константина Константиновича вызвали, он доложил, что своего мнения не меняет. Сталин попросил его еще раз выйти и подумать. Но когда он вернулся в кабинет Верховного, по-прежнему остался тверд и непреклонен, хотя прекрасно понимал, что ему теперь будет грозить в случае неуспеха. Верховному стало ясно, что только

глубоко убежденный в правильности своего мнения человек может так упорно стоять на своем. Предложение Рокоссовского было принято, и он своим фронтом, передний край которого шел на протяжении почти девятисот километров, на правом фланге, впервые в мировой практике, нанес два главных удара, и это оказалось наиболее обоснованным решением. Именно там, где наносился второй главный удар, был достигнут наибольший успех, а с плацдарма у Рогачева такого успеха сразу достигнуто не было, и развиваться он начал позже.

Немцы попали в огромные "котлы". Белорусскую операцию изучают все военные академии мира. Она получила название "Операция Багратион" -в честь выдающегося русского полководца 1812 года. Но, наверное, немногие знают, что такое имя ей дано и потому, что Сталин называл Рокоссовского "мой Багратион".

Белорусская операция -маршальский жезл Рокоссовского, за нее ему и было присвоено это высокое звание.

Когда в серии "Жизнь замечательных людей" вышла книга о Рокоссовском, я попросил Голованова написать о ней рецензию. Она была опубликована в журнале "Молодая гвардия". "Если бы меня спросили, - писал Александр Евгеньевич, рядом с какими полководцами прошлого я поставил бы Рокоссовского, я бы, не задумываясь, ответил: рядом с Суворовым и Кутузовым. Полководческое дарование Рокоссовского было поистине уникальным, и оно ожидает еще своего исследователя. Редкие качества характера К. К. Рокоссовского настолько запоминались каждому, кто хоть раз видел его или говорил с ним, что нередко занимают в воспоминаниях современников больше места, чем анализ полководческого искусства Константина Константиновича".

Это напечатали. А вот отрывок из второй части голововановских мемуаров, которые до сих пор не опубликованы: "Пожалуй, это наиболее колоритная фигура из всех командующих фронтами, с которыми мне довелось сталкиваться во время

Великой Отечественной войны. С первых же дней войны он стал проявлять свои незаурядные способности. Начав войну в Киевском особом военном округе в должности командира механизированного корпуса, он уже в скором времени стал командующим легендарной 16-й армии, прославившей себя в битве под Москвой"...

Генерал-лейтенант авиации Н. А. Захаров, с которым я работал в ГосНИИ гражданской авиации в конце шестидесятых годов, поведал мне вот о чем. Когда началась война, Рокоссовский со своим корпусом попал в окружение. Надо сказать, что войну он встретил в отличие от многих наших

командиров очень подготовленно и грамотно. Перешел в контрнаступление и, разбив превосходящие силы врага, послал в вышестоящий штаб депешу с просьбой разрешить ему. взять Варшаву. Естественно, он не знал общего положения на театре военных действий, и ему было приказано отступать. Рокоссовский, отступая, вывел свой корпус в расположение наших войск с соотношением потерь 1:2,5 не в пользу немцев. И это летом 1941 года! Такова цена полководца!

Рокоссовский первым перешел в контрнаступление под Москвой. Его 16-я армия вписала свою строку в ратную славу России. "Глубокий снежный покров и сильные морозы, - пишет Рокоссовский, - затруднили нам применение маневра в сторону от дорог с целью отрезать пути отхода противнику. Так что немецким генералам, пожалуй, следует благодарить суровую зиму, которая способствовала их отходу от Москвы с меньшими потерями, а не ссылаться на то, что русская зима стала причиной их поражения".

А. Е. Голованов пишет: "Сколь велика была и его известность у противника, можно судить по следующему эпизоду. У командующего 10-й армии генерала Ф. И.Голикова не ладились дела под Сухиничами, которыми он никак не мог овладеть. Был направлен туда вместо Голикова К. К. Рокоссовский, который открытым текстом повел по радиосвязи разговоры о своем перемещении в район Сухиничей, рассчитывая на перехват его переговоров противником. Этот расчет оказался верным. Рокоссовский прибыл под Сухиничи, и ему не пришлось организовывать боя за них, так как противник, узнав об этом, немедленно оставил город без сопротивления. Вот каким был Рокоссовский для врага еще в 1941 году! По одному и тому же плану, что не вышло у Голикова, получилось у Рокоссовского, к тому же без боя и потерь".

Это тоже цена полководца.

Назначенный под Сталинград, Рокоссовский блестяще провел операцию "Кольцо", окружив более чем трехсоттысячную армию генерал-фельдмаршала Лаулюса. Интересная деталь: плененный немецкий фельдмаршал отдал свое личное оружие - пистолет именно генерал-лейтенанту Рокоссовскому как побежденный победителю. Генерал-фельдмаршал Манштейн тан

ковым тараном рвался пробить кольцо окружения под Сталинградом. Конечно, Рокоссовский продумал все варианты, какие может предпринять противник, конечно, поработала разведка, и все-таки нужны были особая интуиция и риск, чтобы именно туда, куда Манштейн двинет свои войска, стянуть чуть ли не всю артиллерию фронта и открыть такой сумасшедший огонь,

который сорвал попытку прорыва к Па-улюсу. Участник Сталинградского сражения писатель Ю. В. Бондарев, в то время молодой артиллерист, получивший две медали "За отвагу", рассказывал, что Рокоссовский приказал поставить пушки вплотную, ствол к стволу. Манштейн не прошел, и армия Паулюса прекратила свое существование.

Говорят, после победы под Сталинградом одним из первых ему прислал поздравления начальник тюрьмы, где он сидел в конце тридцатых годов. "Рад стараться, гражданин начальник!" - ответил ему Рокоссовский.

"Когда мы прибыли из Сталинграда, - рассказывал Голованов, - нас принял Сталин, это после завершения операции "Кольцо", всех поздравил, пожал руку каждому из командующих, а Рокоссовского обнял и сказал: "Спасибо, Константин Константинович!" Я не слышал, чтобы Верховный называл кого-либо по имени и отчеству, кроме Б. М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский был вторым человеком, которого Сталин стал называть по имени и отчеству. Это все сразу заметили. И ни у кого не возникало сомнения, кто самый главный герой - полководец Сталинграда...

А Рокоссовский принял новое назначение - он стал командующим войсками вновь созданного Центрального фронта, которому предстояло сыграть решающую роль в битве на Курской дуге. Рокоссовский был уверен, что именно здесь решится исход кампании 1943 года, ждал немецкого наступления и тщательно готовил оборону, чтобы противник попытался использовать, казалось бы, выгодную для него ситуацию. Он написал докладную Сталину, его поддержал Жуков, и было принято решение о преднамеренной обороне. Не все в военном руководстве были согласны с таким решением.

"Например, Н. Ф. Ватутин и Н. С. Хрущев, член военного совета Воронежского фронта, предлагали нанести упреждающий удар по противнику, а проще говоря, первыми начать наступление на этом направлении, -пишет Голованов, - что несколько колебало уверенность Верховного в принятом им решении вести здесь оборонительные действия. Бывая у него с докладами, я слышал сомнения в том, правильно ли мы поступаем, ожидая начала действий со стороны немцев. Однако такой разговор обычно кончался так: "Я верю Рокоссовскому!"

С приближением лета нарастала напряженность. Чьи нервы крепче? Разведка давала, казалось бы, абсолютно точные данные о начале наступления, но названные числа проходили, а никаких наступательных действий противник не начинал. Прошел май. Опять всплыли разговоры об упреждающем ударе. Рокоссовский

переживал, как бы в Ставке не приняли такое решение. Соот-. ношение,сил было примерно равным, и преимущество будет на стороне обороны...

В конце июня разведка донесла, что противник начнет наступление второго июля. Но ни второго, ни третьего,, ни четвертого июля ничего не произошло. Напряжение росло.

В ночь на пятое июля Голованов был на докладе у Стали-на. Выслушав доклад, Верховный начал говорить о напряженном положении на Центральном фронте, о Рокоссовском и его предложении. "Неужели Рокоссовский ошибается? вдруг с каким-то сожалением сказал Сталин, и, помолчав, добавил: - У него там сейчас Жуков".

"Из этой реплики, - вспоминает Голованов, - мне стало ясно, с какой задачей находится Георгий Константинович у Рокоссовского. Было уже утро, когда я собирался попросить разрешения уйти, но раздавшийся телефонный звонок остановил меня. Не торопясь, Сталин поднял трубку ВЧ. Звонил Рокоссовский. Радостным голосом он доложил:

- Товарищ Сталин! Немцы начали наступление!

- А чему вы радуетесь? -спросил несколько удивленно Верховный.

- Теперь победа будет за нами, товарищ Сталин! - ответил Константин Константинович".

Рокоссовский потом рассказывал Голованову, что в ночь на пятое июля ему стало ясно: немцы сейчас начнут наступать. Жуков, которому доложили о сведениях, полученных от пленных немцев, поручил Рокоссовскому действовать по собственному усмотрению. За сорок минут до указанного пленными времени начала наступления Рокоссовский приказал открыть огонь из пятисот орудий, четырехсот шестидесяти минометов и ста реактивных установок. Это было в два часа двадцать минут, и только в четыре тридцать противник после нашего ураганного огня начал артподготовку, а в пять тридцать перешел в наступление.

Когда немцы перешли в наступление, у меня будто гора с плеч свалилась, - сказал Константин Константинович.

А Сталин скажет так: "Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой". :

Что-то гордое согревает душу, когда под музейным стеклом читаю текст ультиматума, направленного гарнизону одного из немецких городов: "Я, маршал Рокоссовский, наголову разгромивший ваши войска под Сталинградом и Курском"... Это писал наш полководец,: именем лашей страны, на

государственном языке нашего народа...

Немцы давали прозвища нашим полководцам. Был, например, "генерал Паника"... Рокоссовского враги прозвали "генерал Кинжал" - победу он добывал на острие кинжала, кото рый, углубляясь в противника, окончательно лоражает его.

Есть старая фотография -два молоденьких конника, Жуков и Рокоссовский, у которых все впереди - и страшные испытания, и мировая слава. Ратная служба их проходила вместе, и вот едут рядышком комдив Рокоссовский и комполка Жуков. И хрть долго, наверное, их будут сравнивать, оба достойны. Видно, прав В. М. Молотов, который сказал мне как-то: "По характеру для крутых дел Жуков больше подходил. Но Рокоссовский при любом раскладе в первую тройку всегда войдет. А кто третий - надо подумать..."

Можно противопоставлять и спорить, кто лучше. Во всяком случае, каждый не хуже, ибо оба - наша ратная слава. И это ярчайшим образом продемонстрировал Парад Победы. "Я убежден, -говорил Голованов, - что в душе Сталин хотел бы назначить принимать Парад Рокоссовского, но умом назначил Жукова. Рокоссовскому как лучшему из лучших командующему фронтами было предоставлено право командовать Парадом Победы на Красной площади. И встретились опять два выдающихся полководца нашего времени - Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский - уже не на поле брани, а празднуя Победу. Один принимал парад, другой командовал им"...